

Рябов Петр. Он был...

*Ты никогда не будешь старым
Угрюмым мрачным ворчуном,
Понявшим: жизнь пропала даром
И сожалеющим о том.*

*Но вечно юным зубоскалом,
Жизнь превратившим в карнавал,
Успевшим совершить немало,
Убитым в спину наповал.*

28 января 2009 г.

Не каждого

– Ну и ну! – громко возмущался рядом со мной пожилой полный мужчина в сером пальто. – Дожили! Выходит, каждого из нас могут вот так вот запросто в центре Москвы среди белого дня застрелить из пистолета!

– Не каждого. Каждого не нужно, – тихо отвечаю я. – Это еще надо заслужить.

Он замолчал и угрюмо задумался.

Дело было на Пречистенке, около дома № 1, двадцатого января 2009 года около тринадцати часов.

Две смерти: 2009–1989

Декабрь 1989 года.

Москва хоронит академика Андрея Сахарова. Действительно – вся Москва. (Где-то сейчас эти сотни тысяч людей, куда они подевались? Или в них что-то куда-то подевалось?) Это не преувеличение. Тысячи, тысячи, тысячи людей в жуткий мороз, зябко кутаясь, поеживаясь, тянутся длинным-длинным шествием по молчащим улицам. Ощущение дикого, смертельного холода и холодной тоски. Но и какой-то светлой грусти. Умер тот, кого многие называли «совестью России». Умер в пожилом возрасте, в своей постели, на пике славы и признания, в разгар борьбы. Неугомонный Евгений Евтушенко разразился стихотворением, которое в виде листовки покрыло стены города. Из него помню две строчки:

*Мы потеряли Первозванного,
Который Правдой Русь крестил.*

Пусть, как обычно у Евтушенко, – напыщенно, высокопарно и безвкусно, но так, и правда, чувствовали многие: «Совість наша умерла».

Стаса Маркелова мы все считали «нашим защитником». Как же это удобно: один человек – твоя совесть, другой – твой защитник. Но когда они уходят – что остается? Самому быть себе совестью, самому быть себе защитой? Но как это?

Итак, декабрь 1989-го. Тоска и надежда. Нас много, мы победим. С нами вся Москва, весь народ. Сахаров умер, прожив достойно и долго, его дело будет продолжено. Его «Карфаген должен быть разрушен!», возглашаемое с трибуны Съезда народных депутатов, скоро сбудется. Карфаген будет разрушен.

А вот – январь 2009-го. Москве нет дела до Стаса и Насти – убитых такими юными. Москва не знает, не желает знать о них. Мало ли убивают адвокатов и журналистов. Москва реагирует, как Швейк на убийство в Сараево: «Кого надо, того и убили».

На Пречистенке – негустая толпа потерянно жмется у обочины под недовольными взорами милиционеров. Свечи на снегу, на каплях крови. Милиционеры охраняют – то ли нас, то ли – от нас.

Я пытаюсь представить себе, что было бы, если бы сюда пришли вдруг все друзья и знакомые Стаса; все те, кого он согревал своим буйным хохотом; кому помог, как умел – по-адвокатски или по-человечески: все социал-демократы, анархисты, правозащитники, антифашисты, отказники от воинской службы, участники экологических лагерей «Хранителей Радуги», Прямухинской Вольной Артели, «Мемориала». Если бы пришли и встали вокруг все те, кого Стас защищал: зверски избитые ОМОНом сотни жителей башкирского Благовещенска, химкинцы, борющиеся за спасение своего леса, рабочие целлюлозно-бумажного комбината в Советске под Выборгом, захватившие свой завод (власти применили против них оружие), родственники мирных чеченцев, замученных российскими военными... Если бы они все собрались и вышли на эту улицу – неужели ничего бы не изменилось в мире?

«Две смерти» – так называлась одна из последних статей Стаса. В ней он сравнивал подбострастную и лицемерную реакцию российского общества на смерть высшего церковного иерарха и реакцию греков на убийство полицией мальчика-анархиста. Сравнение выходило явно не в пользу России. «Две смерти» – название пророческое. И я невольно сравниваю нашу реакцию – реакцию общества и свою – на другие две смерти: тогда, в декабре 1989 года, и сейчас, в январе 2009-го.

Миф

Долговязая фигура, зычный хрипловатый и теплый голос, раскатистый, буйный смех. Шутки-прибаутки. Бесшабашная бравада. Колоритные фразочки, вроде: «Да что нам, кабанам лесным?» Ему и в самом деле море по колено или так только кажется? Галантность в отношении к барышням. Дружелюбие. Хипповские словечки: («герла», «пиплы», «ксивники» и пр.) обильно и подчеркнуто стильно украшают речь. Речь – вкусная, игривая, переливающаяся. Безуспешные попытки острыми разухабистыми словами слегка смягчить свой, рвущийся наружу, пафос романтика, прикрыть чересчур явную доброту и сентиментальность.

Стас, между прочим (это мне кажется важным!), очень увлекался мифологией. В Прямухино читал нам лекции о мифологических героях русских сказок – Бабе Яге, Кашее Бессмертном, вскрывая их архетипическую природу, очень любил читать сказки народов мира – не адаптированные для детей, а неприглаженные, аутентичные, часто жутковатые. Он всегда интуитивно тянулся к Мифу. Миф оформляет мир, структурирует и оживотворяет его, задает миру смыслы. Назвать вещь, наречь ее – значит: создать.

Стасу, как мифотворцу, не было равных в наречении людей, в придумывании прозвищ. Этот балагур, острый на язык, давал своим друзьям и знакомым клички («погонялова» – говорил Стас), прилипавшие намертво – точные, сочные, выразительные. Как-то я сказал ему то же, что княжна Мэри сказала Печорину: «Я предпочел бы попасться в лесу на нож разбойника, нежели тебе на язык». Я всегда радовался, что не получил от Стаса никакой клички (а сейчас даже жалею – вот и еще что-то осталось бы во мне от него). Но среди нас сейчас ходят, пожизненно нареченные Стасом: Наташа-«Ватрушка», Рита-«Лобстер», Оля-«Гангрена». А вот «Атамана» уже нет... – так Стас нарек Игоря Подшивалова¹, с которым подружился в Прямухино в 1996 году.

Вообще, он очень любил языковые игры – не только из любви к Мифу, но и от избытка, игровой полноты творческих сил. Помнится, в Прямухинской Вольной Артели 1996 года Стас, только что закончивший вуз, стал заводилой и вожакom целой тусовки анархо-панков и постоянным лектором на наших вечерних собраниях. Он знал исключительно много и мог рассказывать то про историю социализма, то про мифологию, то про хипповскую Систему, то про эстетическую утопию Рихарда Вагнера, – хотя любил прикидываться невеждой. Так вот, в Прямухино 1996 года мы развлекались со Стасом весьма оригинальной забавой, а именно: русско-русскими переводами. Я говорил какую-нибудь «заумную» философскую фразу. Стас делал вид, что не понимает ее смысла (он любил пользоваться личинами – то невежды, то принципиально «беспринципного» и «безыдейного» человека, то брутального апологета хаоса, – это было частью игры), я делал вид, что верю ему и терпеливо растолковывал, после чего он... переводил ее на хипповский слэнг. Как и следовало ожидать, выяснялось, что слэнг хиппи не оченьто пригоден для высокой философии.

Но было весело. Судите сами. Например: «Категорический императив Канта, – говорил я, – гласит: поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать принципом всеобщего законодательства». Стас переводил: «Двигай так, чтобы твои заморочки в натуре пришлись по кайфу пипловой тусовке». Или: «Все действительное – разумно, все разумное – действительно» (Гегель). Стас: «Все, что в натуре – по кайфу, все, что по кайфу – в натуре!» Или: «Я агностик, но не солипсист» (последнее изречение принадлежало мне). Стас: «В

астрал врубаться беспонтово, но по жизни меня не глючит».

Последним его переводческим шедевром был Вольтер, чье изречение было партийным девизом Демократического Союза: «Ваша точка зрения мне глубоко ненавистна, но я готов отдать жизнь за ваше право ее высказать». В Стасовой редакции эта максима звучала так: «Твои заморочки мне в облом, но я кинусь, чтобы ты мог толкать свои телеги»...

И этот-то хиппарь, весельчак, задушевный балагур, неформал до мозга костей, любивший и ночные разговоры тет-а-тет, и авантюры – сорваться и бежать куда глаза глядят сломя голову, – мог быть совсем другим. Своим – в неприятном, холодном и грязном казенном мире оперов, прокуроров, следователей. Застегнутый на все пуговицы, отлично ориентирующийся в любой ситуации, уверенный в себе, надежный, подтянутый, бесстрашный, раздающий интервью и проводящий прессконференции на чистейшем и литературнейшем русском языке.

Как ему это удавалось? Чего ему это стоило? Он мог совмещать человеческое тепло, чистоту и сентиментальность с жесткой и страшной работой «законника», не допускающей сантиментов и оперирующей только статьями и сроками? Как удавалось столько всего успевать, со столькими общаться, столько знать (история, мифология, религия, литература, право)? Как удавалось, будучи таким деловым, эффективным, в нечеловеческих условиях оставаться живым и человечным? Стас доказал: можно быть глубоко идейным человеком, не будучи партийным фанатиком, можно быть адвокатом и оставаться порядочным человеком. Но что он «доказал» своей гибелью? В любом случае, можно сказать одно: он и жил не напрасно, и погиб не случайно. Он состоялся как человек, прожив короткую, но по-своему совершенную – завершенную жизнь. Теперь он ушел в Миф.

«Криминальный медик»

С самого начала знакомства со Стасом у меня связывались какие-то веселые, дурашливые, карнавальные ассоциации. Хотя обстоятельства нашего знакомства не располагали к веселью. Начало октября 1993 года. Разборка двух ветвей власти в РФ, переворот Ельцина и контрпереворот Хасбулатова – Руцкого, привели к нешуточному кровопролитию в Москве.

Горстка социалистов и анархистов, которым были глубоко противны обе высокие стороны конфликта, но не безразличны его жертвы, по инициативе энергичного социалиста-народника и историка Ярослава Леонтьева организовала санитарную дружину имени Максимилиана Волошина. Наша дружина, оформилась 2 октября на баррикадах Смоленской площади, 3-го октября помогала раненым на Крымском мосту и у мэрии (где зазвучали выстрелы). Потом часть наших товарищей поехала в Останкино и попала в кровавую мясорубку. Здесь, в сандружине, мы и познакомились со Стасом, – студентом-юристом, типичным хиппи (со смешным хвостиком волос и банданой на голове). По его собственному выражению левым социал-демократом (ЛСД – забавная аббревиатура).

Он сразу же, без разбега, начал меня мило вышучивать. Получалось у него это весьма элегантно – тонко, интеллектуально и не обидно. Для начала он назвал наш журнал (журнал

Конфедерации анархо-синдикалистов, в которой я еще состоял) «Община» – «Община», с явным ударением на первый слог. Казалось бы, какая разница, – на какой слог ударять? Но дело в том – и мы оба это отлично понимали, – что на первый слог «ударялся» заграничный журнал Сергея Нечаева, что было для меня прямо-таки оскорблением. Мы – нечаевцы? Ну уж нет! Я сперва не знал, чем ответить Стасу.

Скоро нам стало не до шуток. Стас жил в Останкино, и та часть нашей сандружины, которая поехала к телецентру, сделала его квартиру своим временным «штабом». Стас, по рассказам товарищей (сам я в Останкино не попал), мужественно помогал раненым. Потом помогал носить и грузить убитых. Ничего себе испытание – для девятнадцатилетнего мальчишки!

Вообще, он был очень смелым человеком. Не скажу: бесстрашным. Говорят, смелый – не тот, кто не боится, а тот, кто умеет преодолевать страх. Стас постоянно оказывался в опасных ситуациях – и тогда, в Останкино, и позднее, когда он вновь и вновь брался за смертельно опасные дела, но как-то умел всякий раз преодолевать страх. При этом он не терял голову. Однажды – он был защитником по делу Новой Революционной Альтернативы – отчаявшись сладить с ним, ФСБшники поставили его перед дилеммой: или он выходит из дела, или сам садится по нему. Стас сделал разумный выбор. Пять лет назад, весной 2004 года, на него напали в вагоне метро... Попал в больницу... Для многих этого «первого звонка» было бы более чем довольно. Но не для Стаса.

Вернусь к 1993 году. Вскоре после октябрьских событий я смог отплатить Стасу полновесной монетой за его кощунственные шуточки в отношении нашего прекрасного журнала. В воспоминаниях о санитарной дружине имени Максимилиана Волошина (напечатанных в сибирской газете «Версия» при помощи Игоря Подшивалова) Ярослав Леонтьев, инициатор и избранный командир сандружины, допустил замечательный «ляп». Он написал, что в нашей сандружине почти не было квалифицированных медиков, вот разве только студент-юрист Стас Маркелов, изучавший и занимавшийся «криминальной медициной». Великолепная оговорка! Разумеется, Стас изучал в вузе «медицинскую криминалистику». Ярослав же назвал его «криминальным медиком», что в Уголовном кодексе соответствовало ровно одной статье – незаконное совершение абортов! С тех пор, когда Стас чересчур уж доставал меня своими шуточками, я находил-таки на него управу и начинал дразниться в ответ: «Криминальный медик, криминальный медик!»

«Что у пьяного на языке...»

Вспоминаю. В январе 1998 года мы готовили антиатомный марш в Беларуси (против строительства АЭС). Стас был в числе организаторов. Более того: сама идея марша принадлежала ему (подразумевалось, что в ходе марша мы создадим белорусский клон «Хранителей Радуги», укрепим революционные связи между Беларусью и Россией и... дадим Стасу отличный дополнительный повод ездить в Минск к девушке Галинке, через пару лет ставшей его женой: вот вам и «личное есть политическое»). В начале нового года Стас несколько дней бурно отмечал праздники в кампании «Хранителей Радуги» на одной квартире в Москве. Выпито было немало. Между тем было назначено собрание по

антиатомному маршу дома у нашей хорошей знакомой, сочувствующей анархистам, Иры Ф. Мы с ней сидим, беседуем о перспективах революции – Стаса нет. Час, два, три. Вдруг резкий звонок в дверь. Дверь открывается. Пьяный-пьяный Стас Маркелов врывается в квартиру с истошным криком: «Суки – они Макса арестовали!»

И вот что выясняется, хоть и не сразу. После долгих возлияний Стас и один из вожаков «Хранителей Радуги» Макс К. пошли в метро. Стас честно собирался ехать к нам на встречу, хотя был сильно под мухой. Но злая судьба сулила иное. При входе в метро Макс узрел наряд милиции и почему-то анархическим инстинктом решил бежать от него. Однако выпитое вино и несколько сотрясений мозга, полученных в предыдущих экологических лагерях протеста, сыграли с ним свою злую шутку: Макс как-то сбился с курса и побежал прямо на торжествующих ментов. Его схватили и поволокли в отделение. Стас героически врывается в отделение, показывая свое адвокатское удостоверение. Милиционеры выставляли его за дверь, не отдавая свою добычу. После этого Стасом овладели два страстных и упорных желания: помочь задержанному товарищу и все же доехать во что бы то ни стало до нашего экологического собрания. И то и другое в его нетрезвом состоянии совершить было почти невозможно. Он плохо помнит, где успел побывать, добираясь с «Курской» до «Проспекта Вернадского». Несколько часов он ездил по московскому метро и наконец добрался до нас – без паспорта, денег и адвокатского удостоверения. Их он утратил по дороге, но дошел!

Когда Ира загнала бушующего Стаса в ванную и он, встав под душ, горячо отфыркивался и матерился так, что Ира сочла необходимым отправить свою юную дочь в самую отдаленную от ванны часть квартиры, я подумал (возможно, это неверное рассуждение, но мне, как неисправимому трезвеннику, приходится здесь опираться только на логику и данные литературы): какой все-таки замечательный и надежный человек Стас Маркелов! Ведь, говорят, в пьяном состоянии душа человека обнажается. И в его сознании, омраченном алкоголем, жили два стремления, всецело завладевшие им: выполнить свой долг (во что бы то ни стало доехав до нас) и помочь попавшему в беду товарищу.

Быть, а не иметь

Жизненная энергия переполняла, распирала Стаса, бурлила в нем, выплескивалась наружу. Он был очень талантливым, неугомонным. Вынужденный, став адвокатом, надеть маску «цивила» и «серьезного делового человека», обрезать заветный хвостик волос, он с нами, друзьями – разряжался по полной, бесился, как ребенок на анархоелках. Однажды он доигрался: наш товарищ В.П., взясь со Стасом, невзначай повредил ему колено, и Стас неделю лежал в больнице; в другой раз на анархоелке Стас поднял меня на руки, естественно, уронил и... сломал мной валик дивана у многострадального Димы Алейника, хозяина квартиры, отданной на разрушение празднующим елку анархистам. Выезжая с нашей компанией на ежегодные празднования Ивана Купалы, Стас непрестанно носился, как сумасшедший лось, по лесу, заготавливая – чуть ли не тоннами – дрова для костра, а его гогот был слышен на всю Владимирскую область. Возможно, лишь появление двух детей слегка «остепенило» его, да и то вряд ли.

Вообще, его особой манерой было непрестанно заботиться об окружающих, помогать им. (Возможно, и адвокатская работа отчасти стала удовлетворением этого его инстинкта.) Когда была такая возможность и необходимость, он селил людей у себя дома, если им некуда было пойти. Летом 1997 года в Москве высадился многочисленный десант немецких автономов, и они надолго засквотировали и обобществили его квартиру. Коммуникабельность, общительность, открытость, взаимовыручка были органически присущи Стасу. Он очень любил готовить и чуть ли не принудительно закармливал гостей на убой. Это была одна из его любимых игр, при том, что сам он ел немного, был тощим вегетарианцем, крайне непритязательным в быту, и даже по-спартански спал на полу.

Особенно меня поражало его «сверхсоциалистическое» безразличие к собственности. Я тоже, в общем-то, не занимаюсь накопительством вещей. Но есть пунктик, по которому Эрих Фромм точно не одобрил бы меня, констатируя стремление «иметь, а не быть». Это – книги. Их я собираю давно, превратив свой дом в огромную библиотеку. Так вот, когда Стас со своей подругой-супругой Галинкой лет десять назад переезжали на другую квартиру (они долго кочевали по Москве, снимая жилье), они решили раздать Стасовы книги (в количестве около тысячи) в хорошие руки. В основном, раздали их мне. Мои руки были сочтены хорошими. (Также мне был отдан интереснейший архив Стаса, и потом, при встречах Стас всегда вручал мне еще по папочке – вдогонку.)

Пацифист-«полпотовец»

Надо заметить, библиотека у Стаса была отменная и, как всякая долго собираемая библиотека, очень много говорила об интересах и склонностях своего хозяина. Сотни книг по истории и философии. Книги очень редкие, специальные, подобранные со вкусом. В том числе особая, великолепная коллекция книг вековой давности по истории социал-демократии: Каутский, Лассаль, Бернштейн, Плеханов. Я даже на миг пожалел, что не являюсь социал-демократом и не могу вполне насладиться этим богатством. Видно было, как Стас глубоко, серьезно и основательно собирал эти книги по букинистам. И вот – в один миг взять и отдать все в чужие руки! Что это: благородная щедрость и доброта души, полное безразличие к обладанию чем-либо, мудрое и легкое отношение к жизни? Думаю, всего понемногу. «Умеющий ходить, не оставляет следов» (Лао Цзы).

И еще. Очень редкая и ценная подборка книг по пацифистским движениям, антимилитаризму, миротворчеству. Пацифизм был одним из главных убеждений Стаса (наряду и вместе с социализмом, экологизмом, антифашизмом, коммунитаризмом, вегетарианством). На словах Стас любил открещиваться от любых «измов», но тем глубже и серьезнее относился к этим ценностям на деле. Все это было не «его» убеждениями, которые можно было при случае поменять или продать. Это было – им самим, его природой, его сутью. Неслучайно Стас так часто и так охотно защищал в судах, как адвокат, отказников от воинской службы или жертв российской военщины на Кавказе.

Но Стас не был бы Стасом, если бы и к этому «изму» он не отнесся бы антидогматически и иронично. В Прямухинской Вольной Артели 1996 года (и предыдущего и последующих годов) мы издавали ради забавы рукописную газету «Прямухинская Гармония». Любой член

артели мог писать в нее статьи, стихи, фельетоны, рисовать картинки – в меру своей фантазии и талантов. Лишь один раз за несколько лет один человек был «официально» отстранен мной от возможности писать в газету. Этим человеком, этим еретиком и скоморохом, разумеется, был Стас, совершивший акт веселого хулиганства. Этот пацифист, ненасильник и демократический социалист взял да и исписал целый лист «Прямухинской Гармонии» всякими кровожадными призывами, самыми мягкими и «пацифистскими» из которых были: «Нового мира оплот дал нам товарищ Пол Пот!» или «Пусть светочи разума из интеллигентов светят нам с фонарей!» (цитирую по памяти). Такова была его неумная, озорная натура, совершенно не укладывающаяся в мое стандартное представление о социал-демократах: скучных, серьезных и бескрылых оппортунистах. Ну что мне оставалось делать? Пришлось запретить этому «провокактору» писать в нашу милую газету! (Кстати, о товарище Пол Поте Стас знал немало и даже как-то сделал на «Муравинских четвергах»¹ вполне серьезный и глубокий доклад о жуткой истории Кампучии). «Муравинские четверги» – домашний семинар московских анархистов, проходивший с 1991 г. по начало 2000-х.

Но, если не считать подобных шуточных эксцессов (а как их не считать?), Стас был пацифистом. Да, он защищал революционных террористов (большевиков и анархистов) из Новой Революционной Альтернативы и Реввоенсовета (которые, впрочем, никого не убили и не ранили, а производили лишь символические акты против наиболее odioзных учреждений и символов режима: памятников, военкоматов, приемной ФСБ), защищал радикальных антифашистов, довольно далеких от пацифизма (Шкобаря – Олесинова). Но сам он, конечно, был бесконечно далек от насилия. И все же именно этот пацифист оказался на передовой в страшной войне между властью и обществом. Его не могли победить в честном и открытом бою и – подло застрелили со спины.

«Мой дом +. Иван»

Стас был органическим, интуитивным антифашистом и антинационалистом. Полуполяк-полурусский по происхождению, космополит по духу, он очень любил Беларусь: часто ездил туда, выучил белорусский язык (хотя вообще к языкам был не очень склонен), восхищался и увлекал других поэзией Янки Купалы, прекрасно знал белорусскую историю, делал на наших кружковых собраниях – «Муравинских четвергах» доклад о белорусском менталитете, отлично разбирался в общественной жизни в Минске.

Но вот что показательное: если он на дух не переносил русского национализма, фашизма, и всегда загорался возмущением, когда с ним сталкивался, то точно так же он относился и к национализму белорусскому (вообще, к любому национализму). Помню, меня впечатлил и позабавил его рассказ о том, как он однажды попал на демонстрацию белорусской национал-демократической оппозиции. Члены Белорусского народного фронта несли плакаты «Чемодан-Вокзал-Россия» и дружно скандировали что-то вроде: «Иван, пошел домой!» И вот Стас, этот космополит, из гущи враждебной колонны в одиночку начал громко и упрямо кричать с риском для здоровья: «Мой дом здесь! Иван». Один против всех.

Незаменимость

Воспоминания переполняют душу, теснят грудь, разрывают сердце. Вспоминаются его сердечность, буйная веселость, неугомонность, доброта, ум, быстрота импровизации, артистизм, стремительность реакции, смелость... Человек состоялся – если он незаменим в этом мире, если он делает то, что никому кроме него сделать.

«Незаменимых людей у нас нет» – это сталинское изречение уж точно не про Стаса. Кто еще внесет свет и веселье в десятки компаний – таких разных? Кто еще заразит буйным задушевных хохотом и серьезно объяснит, что к чему? К кому еще активисту-общественнику обратиться в тяжелый час с твердой уверенностью – этот до конца свой, этот точно квалифицирован, самоотвержен, надежен, бескорыстен, едва ли не все силен против всеильной репрессивной системы, этот поможет? Кто еще свяжет между собой столько сред и тусовок?

Можно попытаться обмануть себя и других, в жалкой браваре говоря о «маркеловском призыве» в адвокатуру, о том, что «Стас Маркелов – имя России» (а Россия об этом знает? а Россия этого имени заслуживает?), о том, что мы «продолжим его дело» и т.д. Все это можно говорить – но... ведь это неправда.

В человеческом братстве-сестринстве, в общественном движении – дыра, рана, зияющая брешь. Он был собой, был единственным, был незаменимым.

Кто и за что?

Всегда он защищал нас, а мы его не сумели защитить. Могли ли?

За что его убили и кто?

Мы никогда не узнаем (по крайней мере, до Революции), кто конкретно и за что конкретно его убил. И все-таки все мы уже сейчас знаем это. Его убили за то, что он высывался, не боялся, не прятался, не реагировал на угрозы в парализованной страхом стране. Он был везде, где появлялись точки роста и зародыши общества, где возникали очаги сопротивления государству и капитализму. Кто его убил? Его убил тот, с кем он всю жизнь благородно и самозабвенно боролся, от кого защищал людей, кому оппонировал. Его убило Российское Государство – как бы в этом частном и конкретном случае оно ни называлось: бандой фашистов, чекистами или офицерами, обиженными за Державу, или мафией, нанявшей киллера. Для Государства человек всегда был ничем, а Держава и деньги всем, для Стаса – ровно наоборот.

И вот его убили – не ночью в подворотне, но демонстративно, не таясь, нагло, при свете дня, в центре Москвы. Человеческая жизнь ничего не стоит у нас. Это знак, это вызов. Кому? До востребования. Всем, кто еще не спрятался, не испугался, не забился в угол, не перестал быть человеком.

И конечно же, нелепо – просить государство: в лице милиции, прокуратуры и следствия расследовать это убийство. Государство ничем не обязано Стасу. И он ничем не обязан ему. Кроме этой пули в затылок.

Ангел-«хранитель»

Очень показательно, что защитники Химкинского леса думают, что Стаса убили за его участие в этом деле. Другие убеждены в том, что его убили за защиту интересов родителей Эльзы Кунгаевой против ее палача полковника Буданова или за сходное дело «Кадета» (офицера Лапина, убийцу мирных чеченцев). Третьи так же убеждены в том, что причина убийства – защита Стасом антифашистов. Четвертые, – что он убит за свое участие в весенней 2008 года кампании анархистов против милицейского произвола... А были еще дела НРА и Реввоенсовета против следователей ФСБ, было участие в деле защиты рабочих ЦБК в Советске под Выборгом, был «перепоротый» ОМОНОм Благовещенск. И еще – десятки дел больших и малых (антифашистских, антимилитаристских, антимилицейских, экологических). А еще: выступления на митингах, острые и резкие статьи, основанный Стасом Институт верховенства права, боевой студенческий профсоюз середины 1990-х «Студенческая защита» (Стас был одним из его вожаков), организация анархических экологических лагерей протеста (Волгодонск-1996, Нижний Новгород-2008, антиатомный марш «Вяселка» в Беларуси в 1998 году), участие в Прямухинской Вольной Артели (1996 и 2001 год) и в Прямухинских чтениях 2007 года, поездка на Социальный Форум в Мальме осенью 2008 года.

Стас был поистине Ангелом-«Хранителем» (если учесть его участие в движении «Хранители Радуги») для общественного движения, не политиком (ибо никогда не стремился к власти, не участвовал в играх в «выборы»), но идейно мотивированным человеком, общественным деятелем, адвокатом с более чем определенными убеждениями (и оттого – белой вороной в адвокатской среде), связующим звеном для множества инициатив и тусовок. Его убеждения были неотделимы от его человеческих качеств; его бытовая повседневность, общественная активность и адвокатская работа были единым целым. Он был очень цельной личностью, при всей своей многогранности. Работа адвоката была для него не службой, а служением – органичной частью деятельной, равнодушной, яркой, артистичной и отзывчивой личности, воплощением его убеждений, частью общественной деятельности – частью важнейшей, но далеко не единственной.

Не жертва!

На вечере памяти Стаса и Насти на девять дней в Сахаровском центре одна из украинских анархисток – «хранительниц радуги» славно и просто сказала: «Стас не был жертвой!». Нет, хотя его и Настю убили подло и внезапно, они не были жертвами и уж тем более не были жертвами случайными. Это очень важно понять.

Пацифист и органический противник всякого насилия Стас Маркелов погиб в бою, на войне. С одной стороны: бесчеловечная машина Государства, власть имущие, богатые, чиновники,

ФСБ, олигархи, милиция, политики всех мастей, журналисты и адвокаты, обслуживающие Власть. С другой – обычные люди: разрозненные, запуганные, униженные, ограбленные, оболваненные, но пытающиеся кое-где и кое-как сопротивляться и объединяться, отстаивая свое человеческое достоинство. Ломаная и рваная Горизонталь Общества против обнаглевшей и монолитной Вертикали Власти. И роль Стаса в этой борьбе была выдающейся, важной, незаменимой. Он был редчайшим примером вымирающей породы адвокатов, служащих обществу и людям, а не олигархам (как все эти прикормленные и придворные Астаховы, Барщевские, Кучерены, да супермодные, гламурные Резники и Падвы... имя им легион), точно так же, как Настя пыталась быть журналисткой, служащей людям, а не обслуживающей интересы сильных мира сего.

Стас был по своей сути «неформалом» перестроечного разлива – свободным, ироничным, живым, великодушным, веселым, самоотверженным, – который долго и успешно маскировался под адвоката, пытавшегося соблюдать все правила нечестной и неравной игры. Его последняя речь, ставшая своего рода Завещанием (потом с нее начинались митинги в его память), открывается словами: «Я устал...» Устал бороться за правду? Нет, конечно! Устал играть по правилам игры, которые нарушаются всеми другими игроками, устал играть в «законность» и в «правосудие» в стране тотального и циничного насилия. Мне кажется, этот пацифист и левый социал-демократ был близок к тому, чтобы перейти к отнюдь не эсдековским, и отнюдь не пацифистским правилам игры. Сама жуть жизни толкала его к признанию прямого действия и нелегальных форм борьбы. Последние его статьи и выступления прямо говорят об этом. Смерть остановила его на самой грани.

Гибель Стаса и Насти заставляет меня задать себе и всем, но прежде всего, все-таки себе, вопрос: да, у нас есть идеалы, да мы готовы бороться и жить ради них. Но готовы ли мы, готов ли я умереть ради них? Не знаю.

Братство

Публичное отречение от всего того, что делал Стас, что было ему дорого, чем он жил и «ради чего» погиб (если так можно сказать), со стороны его брата – политика Михаила Маркелова («не надо политических заявлений», «не надо пиара на крови», «не надо речей на похоронах» – схоронить, поскорее закопать тело и все!) – заставляет вспомнить христианскую истину о том, что есть «братство по крови» и есть «братство по духу». Разве попытка объяснить, кем был Стас и почему его убили – это «пиар на крови»? Хорошо было сказано на одном из митингов: «Настоящая семья Стаса – это мы».

Мы живем в такое «чудесное» время, когда только о мертвых можно говорить все до конца, не боясь навредить им. Как-то в конце 1990-х мы напечатали в анархическом теоретическом журнале «Наперекор»¹ статью Стаса Маркелова о политической ситуации в Беларуси, дав его подпись. Он расстроился, поняв, что это могло помешать его адвокатской работе. Только смерть открывает значение человека. Обычно – нет времени и повода задуматься о близких. Как редко мы пишем о живых людях.

В это жалкое время девальвации всех слов, Смерть и Жизнь – последняя, еще надежная валюта. Если убили – значит, всерьез мешал. Если погиб – значит, искренне, без дураков, до конца боролся.

Эта смерть всколыхнула – по-разному и ненадолго – многих. Сотни вышли на улицы в слепой ярости и отчаянии («Стас Маркелов должен был жить!!!» – запоздало рвалось из глоток, из душ). Трусливые на миг ожили и заговорили в полный голос. Радостными криками огласились нацистские сайты. Большинство промолчало: «Ну, еще одного какого-то адвоката убили, не первого и не последнего, не жалко, с нас не убудет». Сервильные газеты и телеканалы, умело обходя острые углы, заявили о своей обеспокоенности и дежурно заголосили о нацистской угрозе.

Многие журналисты (не знавшие ранее Стаса), утирали искренние слезы, слушая рассказы о нем, говорили растерянно: «Мы не знали, что такие люди еще есть... бывают... были среди нас... Мы расскажем о нем». И кто-то попытался, как мог. Эта смерть показала, обнажила многое – и мир, и общество, в котором мы должны жить. И масштаб настоящего действия, и цену, которую за него приходится платить.

Митинги, пикеты, речи, цветы и свечи на Пречистенке, публичные вечера памяти, необходимость что-то говорить и невозможность что-то сказать. Шествия, несколько разбитых витрин на улицах Москвы, гневные интервью перед телекамерами, тихие поминальные разговоры на поминках по квартирам, горячее желание «что-то сделать» и тайное, обессиливающее понимание, что сделать уже ничего нельзя. Стыд, отчаяние, страх за себя и за близких друзей (кто следующий?), ярость и ненависть, боль, нежность...

Версия #1

Зверобой создал 15 апреля 2025 22:43:57

Зверобой обновил 15 апреля 2025 22:58:56